- А теперь перейдемте к мастерам. - Писал я письмо Людмиле, что в последние недели заработала неплохую сумму на зачатом мною деле. Сашенька аккуратно выводил под мою диктовку буквы, сложенные в причудливые и подчас экзотические для него слова, я же старательно экспериментировал с внешним пространством, вне тела его и свободном от материального. - Итак, следует внести коррекции в производственный процесс, поскольку эффективность данной модели вызывает ряд вопросов. Я более не имею времени и сил на работу с материалом, поэтому необходимо закладывать небольшие мастерские и нанимать мастеров с искупительным окладом и сроком службы до десяти лет; законом предупредить зарекаться о выдачи секретов конвейерного производства и разделить, по возможности, само это производство. Я понимаю - пиши-пиши, не отвлекайся - говорю Саше, который посмотрел на меня с явным вопросом "и что там разделять-то ?" - что все это будет стоять баснословных денег, однако, как вы сами видете, доходы с сей задумки только в первый неполный месяц продаж принесло вам и мне в сумме порядка четырехста рублей. Я также понимаю, что условия наши были более чем комфортными, а потому в дальнейшем на такого рода доходы в соотношении с произведенными усилиями нам не видать. Однако, как ранее я говорил, расширение производства и потребительской базы позволит нам увеличить многократно уже имеющуюся медиану прибыли, а если мы применим усилия по уменьшению расходов, то тем образом выйдем на неплохой темп. Глядите, Людмила Гиоргиевна, через три года случится нам с вами встретиться на небольшом заводике - точка.

- Ты считаешь, нам все удастся ? - Саша спрыгивает со стула и бежит разглядывать конструктор, сохранившийся у меня с той поры, когда я усердно зарабатывал нам капитал. - Вот, скажем, если интерес на эту подделку спадет, то куда же деваться нам, коль ты пускаешь средства на разработку сей жилы ? Уверен, что та не иссякнет вмиг ? - Сомневается в заинтересованности, однако же играется с тем.

- Ты прекрасно видел, что в преддверии нового года детей оторвать было нельзя от такой забавы ? Все они жаждут свободы, самостоятельности, все уверены в собственной креативности и исключительности - дети как никак - и от того, да и с тем, ощущают с лицезрением песочницы нашей вдохновения. Но это в новый год, конечно, в дни подарков и всевозможной щедрости. Тем не менее, я беру этим самым спросом на возможность реализации, Сашенька ! С нашим детищем ты и замок строй, и корабли, и телеги какие-нибудь незаурядные. Ты видел, что учудил пасынок Людмилы ? - не телега, а танк ! И патент на нашу задумку я не спроста получил через подполковника, не горюй. - Я вернулся в тело Саши, закончив свой неутешительный эксперимент. За последнее время я все реже покидал его, и поэтому, быть может, наши души все плотнее скреплялись, словно бы сливаясь в одно целое. Нет, это нисколько не меняло нас, да и было бы так, походило на сумасшествие, раздвоение личности, чем и могло показаться со стороны, будь мы при себе и не скрывай наше соседство. Однако самому мне становилось труднее покидать его, и будто цепи сковывали меня от движений, удались я. План ли то чей, замысел ли, но все это в конце концов ограничивало меня в принятии каких-либо деяний, вроде переселения и себя спасения. Это я стал замечать с началом сего года, но придал значение только теперь, о чем раскаиваюсь и скорбно жалею. - Пойдем, вскоре построение, а мы еще даже не одеты. Ты приготовил платье прошлой ночью ? - Академия стала для всех нас сюрпризом. Сначала нас определили на командировочные в Петроград. Там мы, как нам поведали, были обязаны посетить культурные мероприятия под предводительством Реброва, да вернуться назад. Всего десять лучших выпускников Московского Университета и я в придачу. Впрочем, толи действительно планы изменились, толи все так и планировалось, но нас встретили военные и провели по несколько иным культурным предприятиям. Раскрасив наше будущее и предложив вступить в ряды вооруженных сил при Магической Академии, поскольку выбора не было, нас скоро приписали как кадетов, а Реброва приняли за одного из мальчиков на побегушках с перспективой

воплотить мечты по личному обучению кадетов. На все ушли три дня, которые мы проводили в условиях казармы где-то на задворках Петрограда. Теперь нам выделили вполне приличные комнаты на три-четыре человека - как в санатории, правда без многообразных оздоровительных процедур. А так как даже с нами здание пустовало, то самовольное распределение позволило многим расположиться с милыми душе людьми, а мне, например, убраться с людских глаз в дальнюю комнату, которую я именую своими скромными чертогами.

Февраль начался с учений. Нас наскоро готовили к нашим орбам, а как мы, знающие теорию, слегка усвоили практику, начались полноценные полевые занятий. Настоящих магов было мало, поэтому принимали нашу скромную левитацию на метра два-три, сравнимую с полетом одурманенных алкоголем мошек, вполне себе обычные люди из пехотного рода войск - они-то, собственно, по указу Его Величества и получат нас в пользование, когда настанет срок нашего созревания. Пока же из всего этого выходил, одним словом, цирк.

Выйдя на территорию Академии под январскую непогоду, я встал в ряд стоящих смирно, но без особой дисциплины молодых магов. Наши формы были чисто выглаженны и постираны прислугой, оружие, выданное еще без боезапаса, твердо возвышалось над нашими головами, а Ребров, уверенно перенимающий над нами командование, стоял в голове нашего смешного отряда, ожидая дальнейших приказов. Прошло всего две недели с начала нашей службы, и можно подвести итог: прикладных знаний в магии было более чем достаточно для создания таковой, несколько неладной, но все же боевой единицы; отчасти нами были довольны, хотя куда больше желали реализовать несбывшиеся мечты свои.

1908 год 18 января по общему календарю, Петроград, Магическая Академия.

Этим днем мы чеканили шаг по грязному снегу, строились, предпринимали усилия над техникой полета, испытывали на себе гнев капитана, что был совсем в скверном расположении духа, видя наши бедные потуги в стрельбе - никто не попал точно в мишень. Нас редко выпускали в город, беспокоясь о безопасности нашей; в последнее время усилилась паранойя в отношении действующих ячеек красных, и было неразумно отпускать будущих магов Империи прогуливаться, пока в сию пору те беззащитны. Юноши распускают слух, будто охранка вовсе озверела и пустилась во все тяжкие, распуская подпольные клубы один за другим. - А мне-то что ? Да, было бы куда лучше, завербуй они оные формирования, но и очистить города - своего рода победа, не так ли ? К тому же, нельзя быть уверенным в точности подобных слухов, поскольку могло быть все иначе, да и работа секретных служб, как я слышал, в России была отлично налажена. Говорят, власть закручивает гайки и готовится к февральским митингам; говорят, нас отправят бороздить высоты, выискивая супостата, посягнувшего на стабильность; говорят, чей-то батенька, выходец из армии, решил навестить Петроград в эти дни, дабы самому лицезреть все и подсобить сослуживцам - и он увидел такое, о чем лучше не распространяться; говорят... много чего говорят. Я надеялся на обещания Былгатырева, ибо иного гаранта сохранения порядка не имелось. В тот день, пятого числа, я был у него, чтобы убедить того в уменьшении присутствия служб на группу из магов, в самом минимальном воздействии на людей и в сохранении таковой оппозиции - а дальше он сам и его соглядатаи пущай думают, каким образом и меньшевиков оставить, и в стране порядок сохранить. В идеале - писал я ему намедни письмо - было бы завербовать высокопоставленных членов ячеек без особого шума; предложить работать на охранку или, что лучше, на самого государя. В устранении кого-либо пользы нам не будет, и за тем взрастут новые, куда более подготовленные к невзгодам и ядам государевым силы. К слову, оставлять всю власть на спецслужбы - дело дрянное, может статься так, что именно они, сочувствующие и, может, чего хуже, видящие в том свои перспективы, предпримут в дальнейшем инициативу по свержению

действующей власти. - Настоящие труду подлинника нашего Ленина, пожалуй, никто не читал из их числа, а потому уверены в том, что сии радикалы непременно сослужат им именно так, как те на то рассчитывают. Я выдвинул предположение, что следует уничтожать всякого анархиста и коммуниста - что именно, в головах, а не на деле. Скорые протесты скажутся нам лакмусовой бумажкой, демонстрирующей работу государственного механизма, и с того, пожаловался я, следует начинать всякую реформу.

Я получил ответное письмо от Людмилы. Пишет, мол денег мало и не хватит на мастерские с мастерами, но я ее заверил, чтобы брала ссуду и занималась хозяйством. Отправил письмо вчера, с утра, благо почтовые службы работают здесь славно. Как бы оно не случилось в феврале, а у социалистов сил покамест не достаточно, да и люд все еще в достаточной мере уверен во царя, чтобы мне беспокоиться о будущем своего капитала. Служба будет идти еще минимум два года, поэтому времени на поиск альтернативных источников дохода для нашего предприятия я найти не успею, да и сил на то у меня теперь нет. Поэтому пусть будет так, в противном случае - также писал ей я - это будет первый и последний раз, когда мы с ней заработали столь немалую сумму. Остается вера, вера в человека - более ничто мне в моем положении не положено, - ну, еще и ожидание, что эта самая вера принесет плоды.

http://tl.rulate.ru/book/62600/1673622